

Список литературы

1. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М. : Высшая школа, 1989. 406 с.
2. *Гаспаров М. Л.* Анжамбеман // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М., 1987. С. 25.
3. *Гинзбург Л. Я.* О литературном герое. Л. : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1979. 222 с.
4. *Berron G.* Studien zum Heliand als Kunstwerk. Würzburg : Aumühle, 1939. 91 S.
5. *Egelhaaf G.* Grundzüge der deutschen Literaturgeschichte. Leipzig : O.R.Reisland, 1896. 185 S.
6. *Heliand. Die Verdener altsächsische Evangelium-Dichtung von 830 übertragen ins 21. Jahrhundert.* Verden : Helbig, 2007. 310 S.

А. Н. Шибанова

Научный руководитель: О. Ю. Поляков,
доктор филологических наук, профессор (ВятГГУ)

ТОБАЙАС СМОЛЛЕТТ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА ЖУРНАЛА «CRITICAL REVIEW»

Тобайас Джордж Смоллетт (1721–1771), младший современник Ричардсона и Филдинга, известен прежде всего как романист. Но его творчество не ограничивалось эпическим жанром. Смоллетт также был поэтом, историком, драматургом, переводчиком, редактором и литературным критиком.

В 1756 г. Арчибальд Гамильтон, бывший некогда работником типографии в Эдинбурге, назначил Смоллетта редактором своего ежемесячного журнала «Critical Review», созданного в противовес «Monthly Review» Ральфа Гриффитса и представлявшего интересы «Высокой церкви» и принципы партии тори. Тобайас Смоллетт был редактором «Critical Review» с 1756 по 1763 гг. [6].

Уильям Смитон (1856–1914), шотландский писатель, журналист, редактор, историк, в книге «Тобайас Смоллетт» (1897) дал оценку Смоллетту, учитывая различные виды его писательской деятельности. Стоит отметить, что в своих суждениях Смитон достаточно строг, но при этом он обратил внимание и на положительные стороны Смоллетта как критика и как личности: «Хотя он далек от Сент-Бева в критической оценке произведений, хотя его высказывания никогда не отличались глубокой одухотворенностью и эмоциональной пронизательностью знаменитого *Cause-ries du Lundi* из парижского “Constitutional”, все же это честные, искренние, открытые оценки человека, который ... не будет судить предвзято, побуждаемый чувством долга перед покровителем или чувством страха» [8, p. 145].

Смитон также сопоставил стилевые особенности критики Сэмюэла Джонсона и Тобайаса Смоллетта: «Если оценки “Великого Хана Литературы” более авторитарные, то суждения автора “Родерика Рэндома” почти такие же резкие и колкие. Первый обладает более обширным словарем, второй – виртуозный литературный критик. Остроумие, юмор, пафос и эпиграмма были к услугам Смоллетта, и хотя по глубине размышлений и возвышенной величавости суждений автор “Rambler” превосходил своих современников, в светлой плавности стиля Смоллетт был лучшим из них двоих... Он убеждал своей невозмутимой и четкой логикой», мог встать на сторону автора, разделить его точку зрения [8, p. 146].

Литературная критика журнала, руководимого Смоллеттом, имела жанрово-нормативный характер. Многие статьи в *Critical Review* были обзорами и аннотациями (как и в более ранних журналах, как в современном Смоллетту *Gentleman's Magazine*), но ценно то, что авторы *Critical Review* выказали явный интерес непосредственно к теории романа, которому еще только предстояло получить эстетическое признание. Ф. Клукофф утверждает, что влияние Смоллетта на критику романа заключается в создании особого «критического контекста», в котором роман мог быть рассмотрен как серьезный литературный жанр [7].

Очевидно, Смоллетт делал критический анализ романов из необходимости: он жаловался Джону Уилксу на то, что ему «приходится читать скучные книги и писать скучные комментарии» и у него нет «ни минуты отдыха». Дело в том, что роман становился жанром массовой литературы, и Смоллетту и его коллегам приходилось прочитывать большое число жалких подражаний, написанных, в частности, эпигонами Филдинга. Тем не менее, авторы журнала считали роман органичным жанром современной им литературы, который заставляет читателей сопереживать героям, учит простым этическим принципам.

Первое развернутое рассуждение о природе и функциях художественной прозы, опубликованное в *Critical Review*, исследователи находят в рецензии Смоллетта на «Расселас» С. Джонсона, опубликованной в 1759 г. Две основных ее идеи заключаются в том, что «художественная литература должна передавать знания, обращаясь не к разуму, а к чувству» и что автор, перо которого служит моральным принципам, «свободным от ограничивающих систем, предрассудков..., питает знаниями других людей» [2, p. 395]. То есть нравственность, как утверждает Смоллетт, может быть привита посредством сопереживания, а не при помощи рациональных схем.

Критики журнала большое внимание уделяли художественной форме романа, перенося на него черты жанровой поэтики драмы. Но вопросы техники романа виделись многим второстепенными в сравнении с тем, насколько правдиво отражает он действительность. Обозреватель *Critical*

Review писал: «Публику мало интересует, должны ли в романах соблюдаться эпические или драматические правила. Как и современные сады, они больше всего приносят удовольствия, когда оказываются наиболее близкими естественной природе» [4, р. 132].

В отношении романа требование подражания природе означало прежде всего жизненную достоверность. Похвалой в устах критиков было то, что характеры рецензируемого произведения «срисованы прямо с жизни», однако тут же подчеркивалась недопустимость натурализма, свидетельствующего о недостаточном творческом воображении автора. Об этом красноречиво писал Т. Смоллетт в номере журнала за 1763 г.: «Если автор берет в проводники Природу и наделен в достаточной мере вкусом, чтобы отбирать ее самые приятные черты, ему не нужно опасаться, что он собьется с пути. Мы говорим о достаточной мере вкуса, необходимого для того, чтобы управлять этим выбором, поскольку можно быть очень естественным и в то же время очень безвкусным, очень естественным и, одновременно, очень шокирующим. Можно нарисовать свинарник или навозную кучу очень натурально, но это не доставит удовольствия зрителю; и описать со скрупулезной точностью множество сцен и инцидентов, которые не вызовут ничего, кроме скуки и отвращения» [3, р. 13]. Позиция Смоллетта здесь близка, но не тождественна взглядам С. Джонсона. Призывая художников к отбору фактов действительности, он следует здравому смыслу, логике любого искусства, образно отражающего мир, а не утверждает необходимость идеализации, связанной с моралистическими задачами того или иного жанра.

Critical Review также просит романиста как «художника общества» не искажать сущность человечества, представляя его в ложном свете, «но вызывать сочувствие к обществу» посредством гармоничного изображения, которое сразу же делает роман произведением искусства и обогащает духовный мир читателя, вызывая отклик воображения [7].

Меньший интерес, по сравнению с романом, обозреватели Critical Review проявляли к другим жанрам. В области драмы арбитры журнала подходили к правилам античных поэтов и проблеме подражания древним с позиций здравого смысла. В частности, журнал назвал «волюнтаристским» требование Горация, установившего пятиактную структуру трагедии. По мнению критика, количество действий должно быть сообразным фабуле произведения: «существует немало сюжетов, события которых можно уложить в три хороших акта», и поэтому не нужно «следовать моде и муссировать каждое обстоятельство и каждое переживание до тех пор, пока материя произведения не станет такой же тонкой, как листовое золото, и такой же пустой и холодной, как французская поэма» [1, р. 259].

Также и в рецензиях обозрений, посвященных лирическим жанрам, говорилось о необходимости умеренного подражания древним, привет-

ствовалось «смелое, вдохновенное и свободное подражание», исключаящее «рабское следование образцам без каких-либо попыток отклониться от них и продемонстрировать собственный талант» [2, р. 395]. Этому «романтическому» порыву не соответствовал, однако уровень рецензий – крайне лаконичных, малоинформативных, свидетельствующих о том, что в подавляющем большинстве журнальные критики придерживались августианских ценностей. Так, они хвалили сочинения, написанные в популярных жанрах оды и элегии, подчеркивали дидактические аспекты описательной поэмы и поэзии в целом; в кратких заметках журналов о поэтических произведениях говорилось о качествах их версификации («harmonious»/«irregular», «lively»/«languid» и т. д.), высказывалось предпочтение героическому куплету, а не белому стиху, порицались спенсера строфа и внутренняя рифма, характеризовался поэтический язык (осуждалось использование архаизмов, неологизмов, заимствованных слов, употребление банальных метафор и составных эпитетов).

Рецензенты нередко предоставляли публике самой судить о достоинствах и недостатках лирических произведений, цитируя их избранные места. В результате не получила подробного и объективного освещения поэзия сентименталистов, в частности, произведения Т. Грея. Об «Элегии, написанной на сельском кладбище» говорилось лишь, что ее много читают и ею все восхищаются. Пиндарические оды Грея «Путь поэзии» и «Бард», правда, вызвали большой резонанс. *Critical Review* назвал эти произведения образцовыми подражаниями античному одисту, которые достойны шедевров древности [2, р. 167–170].

Позиция Смоллетта как редактора и критика журнала была явно образовательной; он стремился, чтобы учение «служило человечеству», стремился оживить «истинный дух критики», способствовать «формированию общественного вкуса» [5, р. 68].

Биографы Смоллетта отмечают, что многие его критические эссе еще нужно идентифицировать. Но и те сочинения, атрибуция которых Смоллетту не вызывает сомнений, дают основание утверждать, что он развивал в своей критике традиции августианства, они создают бесценную и гармоничную картину смоллеттовского «английского стиля неоклассицизма»: гибкого, основанного на здравом смысле» [5, р. 93–94].

Смоллетт был не только «первым литератором, который успешно справлялся с должностью редактора», но и «предшественником всех критиков-обозревателей и редакторов» [5, р. 219]. Под его влиянием литературная критика *Critical Review* приобрела компромиссный, умеренный характер. Придерживаясь традиционных классицистических ценностей, обозреватели журнала все же сумели по достоинству оценить предромантические явления в английской литературе.

Список литературы

1. Art. VII Douglas, a Tragedy // The Critical Review. 1757. Vol. 3. P. 258–268.
2. Art. XI Odes by Mr. Gray // The Critical Review. 1757. Vol. 4. P. 167–170.
3. Art. III The Peregrination of Jeremian Grant // The Critical Review. 1763. Vol. 15. P. 13–21.
4. Art. I Two Novels: The Delicate Distress and the Gordian Knot // The Critical Review. 1769. Vol. 28. P. 132–141.
5. *Basker J. G.* Tobias Smollett, Critic and Journalist. Newark (DE) : U of Delaware P ; London and Toronto : Associated Ups, 1988. 358 p.
6. The Cambridge History of English and American Literature : in 18 Volumes. 1907–1921. Vol. X : The Age of Johnson [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.bartleby.com/220/0223.html> (дата обращения: 9.01.2014).
7. *Klukoff P. J.* Smollett and the Critical Review: Criticism of the Novel, 1756–1763 [Electronic resource]. Mode of access: <http://scholarcommons.sc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1756&context=ssl> (дата обращения: 23.01.2014).
8. *Smeaton W. H. O.* Oliphant Tobias Smollett: famous scots series. Edinburg & London : published by Oliphant Anderson&Ferrier, 1897. 160 p.

М. В. Чичкина

Научный руководитель: О. Н. Турышева,
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ПОВЕСТИ Г. ФЛОБЕРА «ПРОСТАЯ ДУША»

«Простая душа» (1877) занимает центральное место в сборнике Г. Флобера «Три повести» и считается одним из лучших произведений писателя. «Никогда еще он не достигал такой простоты выразительных средств, никогда еще не вкладывал такого глубокого лиризма и такой теплоты чувств в столь скудный, столь неблагодарный материал», – пишет литературовед Б. Реизов [4, с. 483]. «Неблагодарным материалом» критик называет историю бедной крестьянской девушки, которая после неудавшегося брака стала преданной служанкой. Тем не менее, в самом произведении исследователь замечает «конфликт святого чувства и отвратительной среды» [4, с. 482] и признает, что, несмотря на простоту сюжета, история этой несчастной женщины трогает читателя «нравственной чистотой и высоким душевным убожеством» [4, с. 483].

В интерпретациях современных литературоведов образ главной героини повести предстает более сложным и глубоким. Так, Р. Г. Назиров в статье «Пародии Чехова и французская литература» анализирует флоберовские мотивы в творчестве Чехова и приходит к выводу, что французский классик описал не жизнь простой крестьянки, а создал «житие святой». И цель появления такого образа – противопоставить «простого» че-